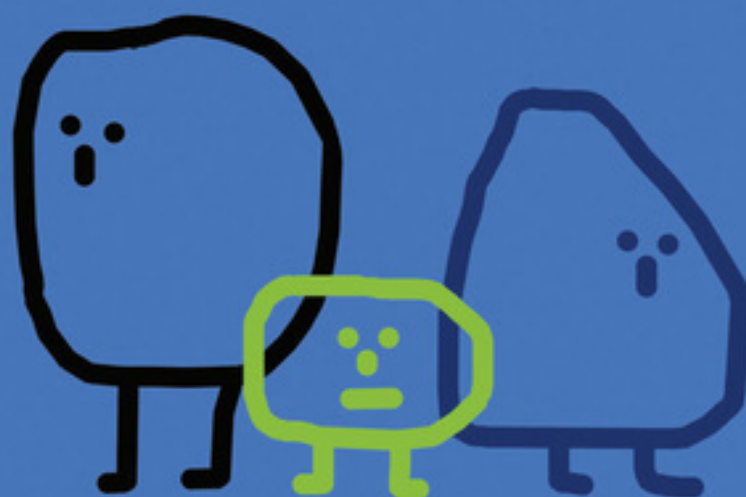

*Ф.С. Сафуанов
Н.К. Харитонова
О.А.Русаковская*

**ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА ПО СУДЕБНЫМ СПОРАМ
МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ О ВОСПИТАНИИ
И МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА**

Наталья Харитонова

**Психолого-психиатрическая
экспертиза по судебным спорам
между родителями о воспитании
и месте жительства ребенка**

«Интермедиатор»

2011

УДК 340.6
ББК 58я73

Харитонов Н. К.

Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка / Н. К. Харитонов — «Интермедиа», 2011

ISBN 978-5-98563-428-0

В книге рассматриваются теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по гражданским делам о воспитании детей при раздельном проживании родителей. Освещаются принципы, этапы и методы судебно-экспертного исследования. Особое внимание уделяется анализу социально-психологических особенностей высококонфликтных семей, влияния разводов родителей на психическое состояние и развитие ребенка. Выделяются клиничко-психологические факторы, имеющие экспертное значение при решении вопросов о месте жительства ребенка и порядке встреч отдельно проживающего родителя с ребенком. Анализируются типичные ошибки в заключениях специалистов и экспертов. Для судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертов, юристов, социальных работников, специалистов органов опеки и попечительства, научных и практических работников, интересующихся семейным правом и практикой его применения, а также для студентов и аспирантов психологических, юридических факультетов.

УДК 340.6

ББК 58я73

ISBN 978-5-98563-428-0

© Харитонова Н. К., 2011

© Интермедиа, 2011

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
1.1. Концептуальные подходы к разрешению споров о воспитании детей отдельно проживающими родителями	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Фарит Сафуанов
Наталья Харитонова
Ольга Русаковская**

**Психолого-психиатрическая экспертиза
по судебным спорам между родителями о
воспитании и месте жительства ребенка**

© Издательство «Генезис», 2011

Введение

В России ежегодно более 600 тыс. детей переживают развод родителей. Ситуация развода во всех случаях затрагивает интересы детей и отражается на их психическом состоянии и развитии. В последние годы все больше детей становятся объектом судебных споров между родителями, не пришедшими к соглашению по вопросу определения места жительства детей и их воспитания или по вопросу определения порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Так, согласно данным Управления анализа и обобщения судебной практики Верховного Суда РФ, по искам о порядке воспитания детей родителями, проживающими раздельно, в 2007 г. было рассмотрено 11 563 дела, в 2008 г. – 17014, в 2009 г. – 20 531.

Развод почти всегда является психотравмирующей ситуацией, он связан с высоким риском возникновения различного рода нарушений психического состояния у всех членов семьи. Дети, в силу естественной возрастной зависимости от родителей, личностной и эмоциональной незрелости, оказываются наиболее уязвимыми к психотравмирующему действию развода. В соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10) воспитание ребенка в ситуации конфликтных и враждебных отношений между родителями является «аномальным и создает риск развития у ребенка различного рода психических нарушений». Психиатры знают, что развод относится к тем событиям в жизни ребенка, которые наиболее часто ведут к появлению невротических симптомов. Поведение родителей в ситуации развода (высокий уровень агрессии, вовлечение ребенка в родительский конфликт и т. п.), неблагоприятно складывающаяся после развода воспитательная ситуация (патологизирующий стиль воспитания у родителя, с которым проживает ребенок, отсутствие общения с одним из родителей, сопряженность общения с отдельно проживающим родителем с высоким уровнем интрапсихического конфликта) также могут оказывать негативное влияние на психическое состояние и развитие ребенка.

Согласно действующему Семейному кодексу Российской Федерации (СК РФ), родители имеют равные права и равные обязанности в отношении своих детей. Место жительства ребенка при раздельном проживании родителей и отсутствии соглашения между ними определяется судом «исходя из интересов ребенка и с учетом мнения детей» (ч. 3 ст. 65 СК РФ). Право родителя, проживающего отдельно, на «общение с ребенком, участие в его воспитании и решение вопросов получения ребенком образования» может быть реализовано только в том случае, «если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию» (ч. 1 ст. 66 СК РФ).

Таким образом, ядром правового регулирования семейных споров является самостоятельное семейно-правовое понятие **«интересы ребенка»**. В Постановлении от 4 июля 1997 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления» Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 разъясняет, что под интересами ребенка «следует понимать обеспечение условий, необходимых для его полноценного физического, психического и духовного развития» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998, № 9). Интересы ребенка, как семейно-правовая категория, определяются как субъективная потребность ребенка в благоприятных условиях существования, которая находит объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством. При этом интересы ребенка выступают в семейном праве как показатель качества осуществления родителями родительских прав и обязанностей, эффективности выполнения органами опеки и попечительства функций по защите прав и интересов детей; справедливости и объективности рассмотрения судами семейно-правовых споров, поэтому данное понятие принимает характер критерия действенности и значимости этих функций (Ильина, 2006, с. 27). В то же время, устанавливая приоритетность и необходимость наилучшего осуществления законных

прав и интересов ребенка, законодатель должен учитывать интересы матери и интересы отца. Таким образом, при рассмотрении спора между разводящимися супругами о месте жительства ребенка (детей) суд берет под свою защиту совпадающие интересы и ребенка, и одной из сторон спора (матери или отца). В связи с данными правовыми условиями суду необходимо раскрыть и выявить действительные интересы и истца, и ответчика, и ребенка, что заставляет обращаться не только к внешним обстоятельствам (материальные, бытовые условия), но и к внутренним мотивам поведения и особенностям личных отношений родителей друг к другу и к ребенку.

Нормы СК РФ предусматривают различные способы выявления судом интересов ребенка: непосредственное выяснение мнения ребенка, опрос в суде родителей и свидетелей, заключение органа опеки и попечительства. Необходимость выявления судом, наряду с материальными, бытовыми условиями, ряда обстоятельств, имеющих психологическое и клиничко-психологическое значение (мотивов поведения, особенностей личных отношений родителей друг к другу и к ребенку; индивидуально-психологических и патопсихологических особенностей всех членов семьи, способных повлиять на обеспечение ребенку условий для воспитания и полноценного психического развития), определяет целесообразность участия в подобных судебных спорах специалистов – психологов и психиатров.

В последние годы отмечается устойчивая тенденция к увеличению количества судебно-психологических (СПЭ) и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) в гражданских делах, связанных с защитой прав и интересов детей при расторжении брака или при раздельном проживании родителей. На практике такого рода экспертизы проводятся в судебно-психиатрических экспертных учреждениях Минздравсоцразвития России, судебно-экспертных учреждениях при Минюсте России, в психолого-медико-социальных центрах и других государственных образовательных учреждениях; иногда для производства таких экспертиз привлекаются преподаватели высших учебных заведений и школьные психологи. Наряду с СПЭ и КСППЭ имеются другие формы участия психологов и психиатров в спорах о воспитании: психологи и психиатры могут непосредственно привлекаться к судебному разбирательству в качестве специалистов, к материалам дела может быть приобщена медицинская документация, содержащая сведения о психическом состоянии ребенка и соответствующие медицинские и психологические заключения.

Между тем отсутствие четкой теоретической базы и ясных методологических принципов производства судебных экспертиз по таким делам препятствует полноценному и эффективному использованию экспертных заключений при принятии ответственных судебных решений. К сожалению, часто такие заключения не отвечают профессиональным стандартам судебной экспертизы и демонстрируют отсутствие научной методологии, эмпирической основы, несоответствие психологической части юридическим запросам, что приводит к многочисленным ошибкам и злоупотреблениям.

С 2002 г. в Отделении судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе (руководитель – проф. Харитонов Н.К.) и Лаборатории судебной психологии (руководитель – проф. Сафуанов Ф.С.) Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского активно разрабатываются вопросы теории и методологии КСППЭ по гражданским делам, связанным с семейными спорами о воспитании детей при раздельном проживании родителей, количество которых растет с каждым годом. Настоящая книга – это первая попытка обобщения теоретических исследований и практики производства таких экспертиз.

Глава 1

Теория и методология комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) по делам о воспитании детей при раздельном проживании родителей

1.1. Концептуальные подходы к разрешению споров о воспитании детей раздельно проживающими родителями

В различные исторические периоды при решении вопросов об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей суды руководствовались разными концептуальными подходами, влияние на которые оказывали как социально-экономическая ситуация, так и доминирующие научные представления о роли каждого из родителей в развитии детей (*Derdeyn, 1976; Mason, 1994; Kelly, 2004*).

До XIX века дети при разводе родителей приравнивались к имуществу и оставались с отцом. В начале XIX века суды приняли концепцию *parens patriae*, по которой моральным долгом (а затем – и юридическим) было защищать тех граждан, которые не могли защитить себя сами, в том числе и детей. Однако до середины XIX века опекуном ребенка становился отец, в связи с тем, что он имел больше возможностей для финансового обеспечения ребенка. С 1839 г. в Англии право опеки над детьми младше 7 лет стало предоставляться матерям, они также получили право встречаться с детьми 7 лет и старше. После достижения ребенком возраста 7 лет он передавался под опеку отца (*Talfourd Act*). Более прогрессивные нормы были установлены в некоторых штатах Америки уже в XIX веке: родители имели равные права в получении права опеки над ребенком.

В конце XIX века во время индустриальной революции возрос интерес общества к благополучию ребенка. Так как отцы работали на заводах и фабриках, матерям стала отводиться роль основных воспитателей. Развивающиеся представления о важности детского опыта для жизни индивида (во многом благодаря развитию психоанализа) стали способствовать более частому вовлечению судов в семейные споры о воспитании детей. В этот период изменились и подходы к решению споров об опеке – наметилась тенденция к предпочтительному оставлению ребенка с матерью, что было связано с развивающимся феминистским движением и повышением юридического статуса женщин.

В историческом обзоре, посвященном определению интересов ребенка как правовой категории в России, О.Ю. Ильина (2006) указывает, что в России уже в конце XIX – начале XX века при решении вопроса о том, с кем из супругов оставлять детей после расторжения брака, предполагалась необходимость учета интересов детей. Детей оставляли с тем из супругов, который был в состоянии лучше выполнять родительские обязанности. В случае спора надлежало заботиться прежде всего об интересах несовершеннолетних детей.

Представления о том, что матери более эффективны в воспитании ребенка, получили большую поддержку благодаря психоаналитической теории З.Фрейда, который провозгласил мать самым первым и самым важным объектом любви ребенка, прототипом последующих любовных отношений. Восприняв теорию психоанализа о важности взаимоотношений младенца с матерью для его последующего нормального развития, суды, примерно с 20-х годов XX века, стали руководствоваться доктриной «десяти лет», согласно которой маленьких детей

было необходимо оставлять с матерями. В 60-х годах предпочтение материнской опеки было абсолютным. В последующем в рамках Эго-психологии было показано, что на первом году жизни для ребенка важны отношения с обоими родителями, и с середины 70-х годов наметилась тенденция к судебному признанию равноправия полов при получении опеки (*Lamb, 1981*).

В 1970 г. в США был принят закон, в котором содержался стандарт «наилучших интересов ребенка» (*Uniform Marriage and Divorce Act*) и перечислялись факторы, которые должны быть учтены для обеспечения интересов ребенка: желания родителей; желание ребенка; характер взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, братьями, сестрами и другими значимыми для ребенка лицами из его окружения; психическое и физическое здоровье сторон; другие значимые факторы, которые могут быть индивидуальными для каждого конкретного случая. С этого момента решение вопроса об опеке стало зависеть не от пола родителя или его прав, а от интересов и потребностей конкретного ребенка и от того, какой из родителей в наибольшей степени сможет их удовлетворить. Взгляд юристов сместился на детей, делая их центральной фигурой процесса.

Ряд авторов (*Goldstein, Solnit, Freud, 1973*) при определении «наилучших интересов ребенка» предлагали руководствоваться выбором «наименьшего из зол», подчеркивая этим, что развод родителей всегда вредит детям, и можно лишь постараться выбрать то решение, при котором вред для ребенка будет минимальным.

Результатом поворота судебной системы к интересам ребенка и равноправию полов стало появление в начале 70-х годов прошлого века в зарубежной судебной практике «совместной опеки», при которой оба родителя наделялись равными правами на воспитание ребенка и принятие решений, касающихся ребенка (вопросы здоровья, обучения и т. д.). Дж. Валлерштейн и Дж. Келли выделили три фактора, которые способствовали широкому распространению в США совместной опеки. Во-первых, исследования в области возрастной психологии, убедительно показавшие важность роли отца для развития ребенка. Во-вторых, изменение тендерных ролей в обществе: все больше женщин стали заниматься трудовой и общественной деятельностью, передавая отцам роль основных воспитателей. В-третьих, исследования «чувства утраты», которое испытывали неопекающие родители и дети после развода (*Wallerstein, Kelly, 1980*).

Некоторое время совместная опека, когда оба родителя имели гарантированно равные права и разделяли ответственность за детей, воспринималась как панацея в преодолении негативных последствий развода. Однако результаты исследований показали, что совместная опека во многих случаях не является оптимальной. Если дети к моменту развода находятся в хорошем психологическом состоянии, у них близкие доверительные отношения с обоими родителями, то они выигрывают от продолжения интенсивных взаимоотношений с обоими родителями, которого позволяет добиться совместная опека. Если же отношения между родителями высококонфликтные, нарушены детско-родительские взаимоотношения, у ребенка были проблемы адаптации в прошлом, то не существует универсального рецепта, который позволил бы сделать более успешной адаптацию ребенка после развода. Одним детям необходимо общаться с обоими разведенными родителями, другие же нуждаются в отделении от оскорбляющего, критикующего, отвергающего родителя или от конфликта между родителями, и в этих случаях совместная опека нежелательна. В целом, при длительных высококонфликтных отношениях совместная опека часто противоречит интересам ребенка.

За рубежом участие психологов и психиатров в решении вопросов об опеке над ребенком, о порядке общения ребенка с отдельно проживающим родителем распространено очень широко (*Kelly, 1994, 2000*). В США при принятии решения об опеке над ребенком существуют два ведущих фактора, которые учитывает суд при вынесении решения: предпочтения ребенка и рекомендации экспертов – психиатров и психологов (*Kunin, Ebbesen, Konecni, 1992*). По некоторым данным (*Ash, Guyer, 1986*), решение суда в 85 % случаев соответствует рекомендациям

экспертов. Многими профессиональными организациями США опубликованы стандарты проведения экспертиз по вопросам об опеке над ребенком: The American Psychiatric Association (1988), the American Psychological Association (1994), the Association of Family and Conciliation Courts (1994). В них освещены как цели и задачи экспертиз, так и вопросы их практической организации.

Участие психологов и психиатров в решении вопросов об опеке над ребенком, о порядке общения ребенка с отдельно проживающим родителем может иметь место как на досудебном этапе (различные образовательные программы, посредничество, консультирование и психотерапевтическая помощь), так и на судебном этапе в форме экспертизы. По данным Дж. Келли (2000), около 60 % разводящихся родителей самостоятельно или на первых этапах психологической помощи приходят к соглашению о порядке участия в воспитании детей и не доходят до судебного разбирательства. За рубежом широко распространены различного рода консультации, образовательные и терапевтические программы для разводящихся родителей.

Одним из первых вариантов предоставления разводящимся родителям психологической и психотерапевтической помощи были различного рода образовательные программы. В некоторых случаях родителям рассылались буклеты, содержавшие информацию о последствиях развода, негативном влиянии на детей конфликтных отношений между родителями, а также ряд советов, каким образом можно уменьшить эти негативные последствия. Предоставление родителям этой информации существенно повышало интенсивность общения отдельно проживающего родителя с ребенком через год после развода, а также уменьшало напряженность взаимоотношений между родителями (Arbuthnot, Gordon, 1996). При этом значительно более эффективными оказывались те образовательные программы, которые, помимо информации, предлагали родителям практические рекомендации, а также те, которые проводились в форме тренингов при личном участии родителей (Geasler, Blaisure, 1998), в том числе обучающие тренинги для высококонфликтных семей (Johnston, Roseby, 1997; McIsaac, Finn, 1999; Baker-Jackson, Orlando, 1997). Участники образовательных программ были более способны к сотрудничеству друг с другом, высказывали меньше неудовлетворенности бывшим супругом, у них уменьшился уровень домашней жестокости, они реже обращались повторно в суд.

В то же время некоторые авторы (Stewart, 2001) считают, что оценка эффективности многих из этих образовательных и обучающих программ является недостоверной из-за недостаточного количества исследованных клинических случаев, а также из-за того, что авторы не учитывали целый ряд других факторов, среди которых наиболее важный – уровень конфликта между родителями. По некоторым данным (Geasler, Blaisure, 1998), в высококонфликтных семьях образовательные программы эффективны лишь в единичных случаях.

С начала 80-х годов стало активно развиваться посредничество (медиация), целью которого было повышение способности родителей самим принимать разумные решения по поводу их прав на воспитание, посещение ребенка и других вопросов его благополучного развития. Медиация рассматривалась как альтернатива образовательным программам и судебному процессу (Fugdor, 2006). Посредник, которым может быть специалист в области психологии и психиатрии, юрист или социальный работник, участвует в обсуждении родителями основных вопросов об опеке (сколько времени ребенок будет проводить с отдельно проживающим родителем, каким образом будут организованы эти встречи и т. д.). Посредничество имеет важное значение в уменьшении эмоционального конфликта в паре, что помогает родителям стать более рациональными, целенаправленными. Оно является эффективным для тех родителей, которые при помощи посредника могут отстраниться от своих проблем и сфокусироваться на проблемах ребенка (Johnston, Roseby, 1997). Только 10 % семей, с которыми работал посредник, обращались в суд в течение двух лет после развода с повторными исками, касающимися опеки и порядка общения с ребенком, тогда как в контрольной группе количество повторных обращений в суд достигало 26 % (Vestal, 1999). Основным эффектом посредничества является

формирование способности родителей к решению вопросов, касающихся будущего ребенка, исходя не из своих переживаний, а компетентно и ответственно.

В то же время выявляется определенный процент семей, в которых посредничество неэффективно, и родители не могут прийти к соглашению из-за крайне высокой интенсивности конфликта. В 1998 г. был опубликован доклад специального объединенного комитета по опеке над детьми Канады, в котором, в частности, отмечалось: «К сожалению, большое количество разводящихся родителей оказываются запертыми в своей битве... эти ситуации представляют угрозу для детей, которые мечутся между воюющими родителями, боясь говорить правду... если один или оба родителя идут на конфликт, то становится невозможным решить вопрос о воспитании и месте проживания ребенка без вмешательства суда и специалистов в области психического здоровья».

Многие специалисты подчеркивали необходимость сочетания медиации с психотерапевтическим вмешательством при работе с высококонфликтными семьями (*Johnston, 1988, 1994; Mathis, 1998; Spillane-Grieco, 2000*). Дж. Р. Джонстон, одна из ведущих экспертов в области высококонфликтных разводов, указывала, что в ходе терапевтической медиации специалист должен подвести родителей к способности оценивать ситуацию более рационально, фокусируясь на нуждах детей. Для этого родители, с одной стороны, должны осознать свои собственные внутренние конфликты. С другой стороны, должны получить информацию о негативном влиянии на детей спора между родителями и о том, как можно защитить детей от подобного негативного влияния. Важнейшей задачей для специалиста при работе с высококонфликтными семьями является понимание того, почему родители оказались «запертыми в хроническом конфликте». С точки зрения автора, неспособность супругов решить проблемы в диалоге – это симптом сопротивления семьи изменениям: «Родители не способны использовать расторжение брака для решения имеющихся в них или между ними проблем и застревают в тупике. В результате спор об опеке становится новой формой их взаимоотношений» (*Johnston, 1994, с. 7*).

Австрийским психоаналитиком Г. Фигдором была создана психоаналитически-педагогическая консультация для разведенных родителей. Давая в своих работах подробный психоаналитический анализ основных конфликтов разведенных родителей, он считал целью консультирования осознание родителями истинных мотивов своего поведения с возможностью в последующем смягчения неэффективных механизмов защит и модификации своего поведения. В то же время, согласно результатам Дж. Р. Джонстон (*Johnston, 1994*), даже такое «психотерапевтическое» посредничество оказывалось эффективным лишь в 26 % от всех высококонфликтных семей.

В зарубежной практике в тех случаях, когда родители не могут прийти к соглашению о порядке участия каждого из них в воспитании ребенка (по данным СП. Хермана (*Herman, 1972*) – в 10 % случаев), вопрос об опеке над ребенком решается в суде. В США при принятии решения об опеке над ребенком существуют два ведущих фактора, которые учитывает суд при вынесении решения: предпочтения ребенка и рекомендации экспертов, которыми выступают психиатры и психологи (*Kunin, Ebbesen and Konecni, 1992*). Решение суда в 85 % случаев соответствует рекомендациям экспертов (*Ash, Guyer, 1986*).

При этом к компетенции экспертов относится предоставление суду рекомендаций по очень широкому кругу вопросов, включая оценку планов родителей относительно воспитания ребенка, способности каждого из родителей удовлетворять потребности развития ребенка, целесообразность определения места жительства ребенка с одним из родителей, конкретный порядок общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, и другими родственниками.

Ведущей целью эксперта является установление «наилучших интересов ребенка». С точки зрения большинства судов, понятие «наилучшие интересы ребенка» рассматривается с двух точек зрения: с точки зрения детско-родительских взаимоотношений и с точки зрения качества воспитательных планов каждого из родителей. Оценка степени привязанности между

родителями и ребенком является центральным вопросом экспертизы (Rutter, 1995; Askegman, 2006; Herman, 1997). Отдельным вопросом экспертизы может быть выяснение предпочтений ребенка, с кем из родителей он хотел бы жить (Schowalter, 1979; Alexander, Sichel, 1991). Суды с большим вниманием относятся к предпочтениям ребенка 12 лет и старше. Детям младшего возраста вопрос о предпочтениях задается редко в связи с тем, что, во-первых, мнение ребенка младшего возраста значительно больше зависит от мнения окружающих его взрослых, а во-вторых, справедливо считается, что сам этот вопрос, заданный в ходе экспертизы, может усугубить внутренний конфликт ребенка. Как отмечает Г. Фигдор, «выбор чаще всего падает на того, перед кем ребенок испытывает больше страха или которого считает более ранимым либо более злопамятным» (2006, с. 281). Если вопрос о предпочтениях задается, эксперт должен определить, является ли это желание свободным желанием ребенка, повторяется со слов родителя, или на ребенка оказывалось психологическое воздействие (Yates, 1988). В тех случаях, когда ребенок враждебно настроен к одному из родителей, не видит в своих взаимоотношениях с родителем ничего позитивного и предпочитает не контактировать с ним, эксперт должен оценить характер такого отвержения и сформулировать гипотезу о его природе и значении. Иногда негативные чувства к родителю вызваны и подогреваются вторым родителем; иногда их причина – серьезнейшие проблемы во взаимоотношениях с отвергаемым родителем (Benedek, Schetky, 1985; Dunne, Hedrick, 1994). В то же время некоторые авторы подчеркивают, что сам факт отвержения ребенком одного из родителей является достаточным основанием для квалификации данной семейной ситуации как высококонфликтной. Если ребенок высказывает свои предпочтения, эксперту необходимо выяснить, как ребенок представляет себе свою жизнь с каждым из родителей. В тех случаях, когда ребенок еще мал и невозможно оценить его отношение к каждому из родителей, эксперт оценивает отношение каждого из родителей к ребенку и соответствие родительских планов потребностям развития ребенка.

Столь же значимой задачей является оценка экспертом способности к «родительству» каждого из потенциальных опекунов. Под этим понятием понимается функциональная способность каждого из родителей удовлетворять нужды ребенка в настоящем и будущем. Эта задача является комплексной и включает анализ психологических нужд и потребностей развития конкретного ребенка; оценку способности родителя удовлетворять эти нужды и потребности; оценку качества детско-родительского взаимодействия и стилей воспитания каждого из родителей с заключением, какой из них более предпочтителен для ребенка. Эксперт должен «раскрыть философию и практику дисциплинарных методов каждого из родителей и определить, какой из воспитательных подходов лучше помогает ребенку» (Practice Parameters for Child Custody Evaluation, 1997).

При решении этих задач эксперт должен оценить психическое здоровье ребенка, отметить наличие хронических состояний, требующих специального ухода, оценить способность каждого из родителей учитывать заболевание ребенка и обеспечить ему необходимый уход. Он должен оценить образовательные потребности ребенка и образовательные планы обоих родителей, а также то, насколько они соответствуют друг другу. Эксперт должен составить свое мнение о том, каковы этические и духовные ценности каждого из родителей и как они повлияют на ребенка. Если один из родителей демонстрирует явные антисоциальные тенденции, или у него имеется личностное расстройство, задача эксперта – показать суду, как это может отразиться на ребенке. Если родители ребенка – представители разных культуральных слоев, эксперт должен оценить наличие культуральных и этнических влияний и их важность для взросления и развития ребенка. Эксперт должен оценить значимость религиозного воспитания в данной семье. Ребенок может без ущерба для себя воспитываться в двух религиях (совместная опека родителями), но продолжающийся конфликт между родителями по поводу его религиозного воспитания всегда нанесет ребенку вред. Может потребоваться оценка того, насколько соответствует интересам ребенка график работы родителя, его финансовые возможности.

Эксперт может быть приглашен для высказывания мнения о влиянии пола ребенка и родителя на принятие решения об опеке. При этом, согласно результатам ряда исследований (Emery, 1996), нет достаточных данных, подтверждающих справедливость утверждений, что дочери лучше воспитываться матерью, а сыну – отцом. Более важными представляются отношения каждого из родителей с ребенком и их чувствительность к поло-ролевым потребностям ребенка. СР. Херман (Herman, 1997) указывает на множество социальных факторов, влияющих на споры об опеке: гомосексуализм родителя, наличие мачехи и отчима, бабушки и дедушки, воровство детей, жестокость или сексуальные действия, новые репродуктивные технологии (зачатие в пробирке, донорство спермы, искусственное оплодотворение, суррогатная мать), по поводу которых эксперт также должен иметь свое обоснованное суждение.

В своем заключении эксперт должен учесть социальную поддержку окружения – бабушек и дедушек, других членов семьи, друзей, собственные социальные связи ребенка. Он должен дать прогноз, как повлияет на ребенка сохранение или смена этого поддерживающего окружения. Эксперт должен охарактеризовать отношения между сиблингами. В целом, в период развода и спора об опеке сиблинги оказывают друг другу огромную эмоциональную поддержку. Разделение сиблингов используется судами очень редко и только тогда, когда доказана необходимость такого решения.

При рассмотрении вопросов организации экспертизы обсуждаются порядок интервьюирования членов семьи, используемые методы проведения экспертизы, вопросы квалификации экспертов, этические нормы.

Эксперт обязан ознакомиться со всеми юридическими документами обеих сторон «не для того, чтобы узнать правду, а для того, чтобы понять, за что и против чего борется каждая из сторон»; со всей медицинской, педагогической, психиатрической документацией, из которой можно получить информацию об особенностях «родительства» в данной семье (Practice Parameters for Child Custody Evaluation, 1997).

В США эксперт самостоятельно определяет, кто из окружения семьи должен быть обследован для ответа на вопросы суда и сколько сессий для этого необходимо. Все авторы подчеркивают необходимость обязательного участия в исследовании нескольких объектов: ребенка, обоих родителей, а также других лиц, входящих в значимое окружение ребенка (бабушек и дедушек, потенциальных супругов родителей, нянь и т. д.). Второстепенные интервью с нянями, семейными врачами, учителями, соседями также часто помогают вскрыть некоторые объективные детали, имеющие отношение к ребенку, и получить информацию об имеющихся в семье проблемах. При этом эксперт обязан информировать всех участников интервью, что в связи с судебным характером экспертизы они должны отказаться от права на конфиденциальность предоставляемой информации.

СР. Херман (Herman, 1997) рекомендует при беседе с родителями быть «обстоятельным и всеобъемлющим». Для того чтобы сформировать верную точку зрения, клиницист должен видеть родителя много раз, а каждый из родителей должен иметь время для того, чтобы полностью выразить свои представления о проблеме. Если с одним из родителей эксперт встречался чаще, чем с другим, он должен быть готов объяснить суду причину этого. Подчеркивается, что если эксперт видел только одного родителя, он не может высказывать свою точку зрения относительно опеки в целом или относительно другого родителя. Первую встречу с родителем рекомендуется проводить в форме свободного интервью, во время которого оценивать не правдивость изложения событий, а то, на чем каждый из родителей фокусируется, как он описывает историю своего брака и разрыва, как воспринимает свои отношения с ребенком, насколько он чувствителен к специальным нуждам ребенка, сконцентрирован он на ребенке или на своих отношениях с супругом (-ой). Часть встреч должны быть посвящена истории развития ребенка, его режиму, распорядку его жизни.

Эксперт должен раскрыть состояние психического здоровья каждого из родителей, включая вредные привычки, которые могут иметь последствия для ребенка. Подчеркивается, что в спорах об опеке нет необходимости в установлении родителями психиатрического диагноза. Основной целью экспертизы является «оценка родительства», а не психиатрическое освидетельствование. Установленный кому-либо из родителей диагноз психического расстройства приводит суд в замешательство и часто является поводом для затягивания судебного процесса, изменения другой стороной исковых требований, оспаривания решений суда. Однако если эксперт устанавливает диагноз, то он должен пояснить его последствия для опеки. СР. Херман (*Herman, 1990*) подчеркивает, что важен не сам факт наличия диагноза, а влияние выявленных психических нарушений на взаимоотношения родителя с ребенком. Этот подход отражен также в Task Force Report (American Psychiatric Association). Ряд авторов указывают, что истории болезни родителей могут быть затребованы экспертом только в тех случаях, если в споре об опеке возникает вопрос о том, страдает ли кто-то из них психическим заболеванием (*Herman, 1997; Ackerman, 2006*).

Психологическое тестирование родителей в большинстве случаев не проводится. СР. Херман (*Herman, 1997*) поясняет, что психологические тесты (такие, как MMPI, ТАТ, тест Роршаха) направлены в основном на выявление психопатологии, а не на оценку родительства. Их использование в судебном процессе часто приводит к баталиям между психологами, адвокатами и судьями относительно значения полученных результатов. Использование же специфических тестов, созданных для оценки родительства (Bricklin Perception of Relationships Test – PORT, Ackerman-Schoendorf Scales for Parent Evaluation of Custody – ASPECT), само по себе спорно. Их роль должна быть исключительно дополняющей, и они никогда не должны заменять полноценного исследования.

Исследование ребенка должно включать оценку уровня привязанности к окружающим взрослым; выражаемые предпочтения; признаки внушения родителем каких-то идей; если это необходимо – установку диагноза и констатацию специальных потребностей. С каждым ребенком хотя бы один или два раза должна быть проведена индивидуальная беседа. Необходимо изучить детское восприятие сложившейся ситуации, выяснить, что ребенок думает о происходящем. При этом подчеркивается, что ребенок, на доступном для него уровне, должен быть информирован о целях экспертизы.

Каждый из детей должен быть хотя бы раз обследован совместно с каждым из родителей. Совместная сессия ребенка с родителем должна происходить после индивидуальной беседы эксперта с ребенком. Эксперт наблюдает за характером взаимодействия ребенка и родителя, легкостью их отношений, признаками тревоги, способностью родителя передать ребенку лидерство, способами привлечения к порядку, одобрения, повышения детской самооценки. Непосредственное наблюдение может предоставить множество информации: коммуникативные умения родителя, восприятие им ребенка, обеспечение поддержки, способы выражения любви, методы обеспечения дисциплины, знания и ожидания возможностей развития ребенка, способность понимать чувства ребенка, способность воспринимать ребенка как отдельного индивида со своими желаниями и потребностями, удовлетворение или неудовлетворение от родительской роли. Очень важной является возможность увидеть реакцию ребенка на поведение родителя (*Baerger,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.